

ИСТОРИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Голобородько Андрей Юрьевич

канд. филол. наук, доцент, заместитель директора
по учебной и воспитательной работе
Таганрогский институт им. А.П. Чехова (Филиал)
ФГБОУ ВО «Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ)»
г. Таганрог, Ростовская область

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА КАК ФАКТОР ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ (К ВОПРОСУ О РОЛИ И МЕСТЕ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЙ ИННОВАТИКИ В «ЛЕЧЕНИИ» СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ «НЕДУГОВ»)

Аннотация: в статье рассматриваются некоторые аспекты государственной культурной политики в контексте формирования культурно-информационной среды как одного из «измерений» перехода к новому технологическому укладу. На основе обращения к инструментарию государственной культурной политики, призванному аккумулировать защитно-охранительный потенциал российской культуры в практике государственного управления, описываются модели культурного просветительства как механизмы ресурсного и технологического обеспечения социально-экономического (в инновационном «ключе») развития страны посредством содержательного партнерства государства и общества.

Ключевые слова: государственная культурная политика, национальная безопасность, культурное просветительство, «мягкая сила», инновационное развитие.

Нередко подчеркивается, что кризис вносит в нашу жизнь не только негатив, но и позитив, заставляя двигаться вперед, порождая новые шансы для развития при его преодолении (широко известно, что концепт «кризис» в Китае

манифестируется двумя иероглифами, обозначающими «опасность» и «возможность»); если в ряде дефиниций акцентируется провоцируемый кризисом эффект рассогласования, снижения эффективности и распада привычных систем, то в других определениях упор делается на роль кризиса как симптома болезни, позволяющего найти пути лечения [1, с. 6–7].

В условиях очевидных кризисных явлений в отечественной экономике все более очевидными и востребованными становятся векторы построения модели экономической устойчивости, основанной на росте доли высокотехнологичных отраслей, развивающихся посредством активного внедрения инноваций в производство [2] и обеспечивающих движение страны к завоеванию прочного «места под солнцем» в эпоху формирования, в общемировом измерении, нового технологического уклада.

Авторитетный российский экономист академик РАН С.Ю. Глазьев среди характерных признаков нового, шестого, технологического уклада выделяет, в частности, интеллектуализацию производства, переход к непрерывному инновационному процессу в большинстве отраслей и непрерывному образованию в большинстве сфер профессиональной деятельности [3, с. 21], отмечая при этом, что «становление нового технологического уклада требует освоения новых технологий управления, опережающее овладение которыми в совокупности с подготовкой кадров являются приоритетами политики развития» [3, с. 22] и, констатируя, что важным качественным измерением нового технологического уклада является его гуманитарный характер, который предъявляет высокие требования к системе воспроизводства интеллектуального потенциала – науке и образованию, а также формированию соответствующей культурно-информационной среды [3, с. 39], «питательные силы» которой обращены, очевидно, в том числе на насыщение ментального пространства участников социально-экономического процесса «духом инноваций».

Разделяя мнение С.Ю. Глазьева о том, что одним из действенных механизмов укрепления в общественном сознании современной России инновационно-

ориентированного тренда является создание и поддержка в обществе соответствующей культурно-информационной среды, отметим, что опыт ряда стран сегодня убедительно доказывает, что именно культура способна стать ключевым фактором развития, поскольку она обладает потенциалом, который по долговременности и значимости преобладает над потенциалом экономических факторов.

Усиленный современными инфо/телекоммуникационными технологиями, превращающимися в век информационной революции в эффективную ноосферную силу, культурный потенциал становится продуктивным ресурсом «мягкого воздействия» на сознание человека, инструментом его (человека) просвещения, убеждения и привлечения.

Не требующим аргументации является, на наш взгляд, постулат о том, что современное информационное общество значительно изменило природу власти и управления, которая сегодня переместилась в виртуальное пространство – в мир образов и символов; на авансцену этого виртуального пространства выходит «мягкая» власть культуры, информации и образов (ср. с мнением М. Кастельса).

Нам представляется, что принципиально важным в сегодняшних условиях социально-экономического развития нашей страны при активном позиционировании «инновационноцентричных» векторов общественного сознания, является разработка и активное внедрение нового инструментария в сфере политической власти и различных видах управления, направленных на массовое и групповое сознание [4, с. 5] – иными словами, речь идет о целесообразности разработки и реализации социально-гуманитарной инноватики нового типа, востребованность которой стратегически значима «в контурах» укрепления экономического и гуманитарного измерений национальной безопасности современной России.

Нами, в парадигме политологической инноватики как составной части сферы социально-гуманитарных инноваций нового поколения разработан авторский когнитивно-методологический конструкт, представленный в виде государственной культурной политики, которая рассматривается в контексте обеспечения национальной безопасности современной России.

Описываемый нами в русле положений, определенных утвержденными Указом Президента РФ в конце 2014 года «Основами государственной культурной политики» (Основы государственной культурной политики. Утверждены 24 декабря 2014 г. Указом Президента РФ В.В. Путина №808) инструментарий культурной политики как исследовательский конструкт, предусматривающий разработку комплекса управленческих решений, призван аккумулировать мощный защитно-охранительный культуры в практике государственного управления.

В ходе нашего исследования выявляются, в частности, тенденции нового понимания культуры в реализации национальных интересов России как основы государственности, ресурса социальной стабильности и экономического роста; определяются ценностно-смысловые основания культурной политики, её ресурсное и технологическое обеспечение.

Применительно к описываемой перспективе оптимизации функционирования в культурно-информационной среде современной России инструментария государственной культурной политики, призванного обеспечить трансляцию в общественном сознании традиционных культурных ценностей как «мотиваторов» социально-экономического развития в инновационном ключе, представляется достаточно продуктивным, в аспекте изучения ресурсов «мягкого влияния и убеждения», рассмотрение лингвокультурных концептов как носителей и трансляторов ценностного ядра российской культуры.

Лингвокультурный концепт отличается от других ментальных единиц, используемых в различных областях науки (когнитивный концепт, фрейм, сценарий, скрипт, понятие, гештальт и др.), акцентуацией именно ценностного элемента. Центром лингвокультурного концепта всегда является ценность, поскольку концепт служит исследованию культуры, а в основе культуры лежит именно ценностный принцип [5].

Лингвокультурный концепт функционирует как процесс непрерывной номинации и реноминации объектов, появления новых и утраты старых ассоциа-

тивных связей между языковыми единицами и номинируемыми объектами; интенсивность функционирования концепта выражается в сумме двух показателей – номинативной плотности и метафорической диффузности [6, с. 52].

В лингвокультурном концепте выделяется интразона (совокупность «входов в концепт» = его номинативная плотность) и экстразона (совокупность выходов = его метафорическая диффузность): считаем, одним из измерений рассмотрения лингвокультурных концептов в контексте разработки продуктивного инструментария «мягкого влияния» может являться описание условий обогащения интразоны концепта посредством развития его экстразоны.

В качестве примера рассмотрим лингвокультурный концепт «труд».

В русской концептосфере «труд» традиционно осмысливается как духовная смысложизненная ценность [7; 8]; полагаем, что одной из важнейших задач государственной культурной политики как обладающей потенциалом влияния в общественном сознании коммуникативно-управленческой технологии в условиях поиска ресурсов качественного экономического развития должна стать системная когнитивно-информационная деятельность, направленная на трансляцию ценности труда как этического и духовного императива, содержательного обогащения его номинативной плотности и развития метафорической диффузности в этическом и духовном измерении.

Считаем, в качестве релевантного инструментария трансляции в «поле» общественного сознания страны лингвокультурных концептов (в частности, концепта «труд») может быть рассмотрено культурное просветительство как модель концептуализации ценностей в контексте культурного строительства (В.Э. Багдасарян, например, выделяет несколько базовых вопросов, с которых начинается культурное строительство, в частности: что есть добро и зло? что есть человек? куда мы идем, в чем наш идеал? откуда мы пошли, в чем наше прошлое? [9]); ср. с мнением итальянского политика XIX в. Джузеппе Мадзини: «Страна – это не просто некая территория. Страна в подлинном смысле – это идея» [10, с. 121].

Изучаемое в предлагаемом контексте культурное просветительство как коммуникативно-когнитивная деятельность способно, на наш взгляд, выступить одним из инструментов сознательного определения личностью своего отношения к национальному культурно-ценностному ядру, манифестируемому посредством активно функционирующих в информационном пространстве лингвокультурных концептов.

Предположим в этой связи, что значимые, содержащие ценности, элементы национальной (в гражданско-цивилизационном аспекте) концептосферы, активно транслируемые по различным каналам коммуникаций (например, концепты «труд», «совесть», «ответственность»), способны превращаться в «деонтические понятия» (по терминологии Ф. Херманнса) современного российского общественного сознания, иными словами, быть не только «индикаторами» общественных исторических процессов, но выступать «факторами» этих процессов.

Полагаем, серьезная, кропотливая, целенаправленная работа по внедрению при помощи инструментария инфо/телекоммуникационных технологий (печатные и электронные СМИ, телевидение) культурно-просветительского контента в «текст» современного пространства социальных/профессиональных коммуникаций может и должна обеспечить, с одной стороны, расширение среды трансляции в обществе базовых оснований национальной культуры как мотиваторов осмысления подлинных ценностей жизнедеятельности (в том числе экономической активности), а, с другой, – выступить эффективным инструментом противодействия усилиям, предпринимаемым некоторыми силами (в том числе, «внешними»), по подрыву национального ценностного ядра и ослаблению гуманитарной безопасности современной России.

Известно, например, что среди приемов, направленных на подрыв культурного фундамента, наиболее распространенными являются, в частности, дезавуирование прежних героев и формирование комплекса национальной неполноценности (см., например, [11]), распространение которых предназначено, в частности, для постулирования в общественном сознании современной России ложных

установок и позиционирования, зачастую в качестве единственно возможной, траектории развития страны как периферии мировой экономики, её сырьевого придатка.

Признавая, что перечень представленных подходов к рассмотрению возможностей трансляции в пространстве общественного сознания потенциала аккумулярованных в лингвокультурных концептах национальных ценностей как «мотиваторов» социально-экономической активности носит в значительной степени условный и предварительный характер, считаем, что позиционируемый инструментарий культурного просветительства имеет очевидные перспективы в аспекте укрепления традиций российской пассионарности как особого измерения исторической памяти и инструмента развития инновационно-ориентированного мышления наших сограждан, являя собой, в нашем понимании, уникальную когнитивно-мировоззренческую предпосылку экономической и гуманитарной безопасности России.

В заключение, соглашаясь с мнением В.Э. Багдасаряна о том, что исторически российская государственность строилась как государство-цивилизация [11, с. 47], а государства-цивилизации, являясь полифоничными и гетерогенными, легитимизируют культурно-цивилизационную идентичность, выдвигая интегративный идентификатор для всей общности, предположим, что в нынешних условиях развития российской государственности тренды на сохранение национальных ценностных традиций (=культурно-гуманитарная безопасность) и обеспечение экономического динамизма (=инновационно-экономическая безопасность) являются взаимообусловленными, способствуя укреплению атрибутивных и содержательных аспектов национальной безопасности современной России посредством мощного защитно-охранительного потенциала культуры, оптимизирующего возможности столь необходимого в условиях информационной эпохи (см., например, [12, с. 20]) продуктивного партнерства государства и общества в защите национальных интересов. Именно этот подход, в нашем понимании, способен выступить фактором учета ценностно-культурного наследия в практике государственного управления, ресурсом противодействия зачастую

навязываемым «извне» квазиориентам, маркирующим необходимость доминирования в общественном сознании установок на индивидуализацию и атомизацию человека, когда (см., например [8, с. 27]) «жизненный путь личности вырван из «цепи времен» и почти не связан с преемственностью поколений», «человеческие сообщества становятся короткоживущими, а социальная структура – размытой».

Список литературы

1. Якунин В.И., Сулакшин С.С., Аверкова Н.А., Багдасарян В.Э., Богдан И.В., Вершин А.А., Генюш С.В., Деева М.В., Коробкова А.Ю., Куропаткина О.В., Орлов И.Б., Сафонова Ю.А., Сулакшина А.С., Шестопалова А.В. Политическое измерение мировых финансовых кризисов. Феноменология, теория, устранение. – М.: Научный эксперт, 2012. – 632 с.
2. Винокуров М.О валютном кризисе России в 2014 году // Аргументы недели. – №49(441). – 25 декабря 2014 г. – 14 января 2015 г. – С. 10.
3. Глазьев С.Ю. О стратегии экономического развития России на ближайшую и среднесрочную перспективы // Государственная политика и управление современной России в сфере экономики. Материалы научного семинара. – Вып.3 (50). – М.: Научный эксперт, 2012. – 117 с.
4. Старостин А.М. Философия социально-гуманитарных инноваций. Брошюра. – Ростов н/Д.: Редакционно-издательский центр ЮРИФ РАНХиГС, 2012. – 72 с.
5. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. – Волгоград-Архангельск: Перемена, 1996. – С. 3–16.
6. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: Монография. – Волгоград: Перемена, 2004. – 340 с.
7. Бердяев Н.А. Смысл истории. – М.: Мысль, 1990. – 173 с.
8. Якунин В.И., Сулакшин С.С., Багдасарян В.Э., Кара-Мурза С.Г., Деева М.В., Сафонова Ю.А. Постиндустриализм. Опыт критического анализа. Монография – М.: Научный эксперт, 2012. – 288 с.
9. Багдасарян В.Э. Культурное просветительство в системе национальной безопасности России / Доклад В.Э. Багдасаряна 6.05.2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.cnsr.ru (дата обращения: 25.05.2015г.).
10. A Cosmopolitanism of Nations: Giuseppe Mazzini's Writings on Democracy, Nation Building, and International Relations (Stefano Recchia and Nadia Urbinati, eds.). – Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2010. – P. 121.
11. Багдасарян В.Э. Нациестроительство или империестроительство: развилка подходов // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. – 2014. – Т. 7. – №1. – С. 47–50.
12. Moilanen T., Rainisto S. Yow to Brand Nations, Cities and Destinations: a Planning Book for Place Branding. – Palgrave Macmillan, 2009. – P. 20.
- 13.